Книга I
ДОМ, Который помнил
ФЭНТЕЗИ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · МИСТИКА

Сага "ХРОНИКИ ТОНКОЙ ГРАНИ"

Милена Харламова

Дом, который помнил

«Автор»
2026

Харламова М. А.

Дом, который помнил / М. А. Харламова — «Автор», 2026 — (Сага "ХРОНИКИ ТОНКОЙ ГРАНИ")

Сага "ХРОНИКИ ТОНКОЙ ГРАНИ"Что, если твои воспоминания — не вся правда? Если прошлое можно переписать, память изменить, а реальность заставить выглядеть совсем иначе?Всё начинается с загадочного Дома, которого нет на городских картах. Мильхара переступает его порог и оказывается втянута в цепь мистических событий, ведущих к тайным архивам, забытым историям и Палимпсесту — системе, способной влиять на человеческую память и восприятие мира.Постепенно открывается пугающая истина: тот, кто контролирует информацию, может управлять тем, во что верят люди, что помнят и какие решения принимают.Пять книг, полных загадок, неожиданных открытий, магии и опасных выборов, проведут вас по тонкой грани между правдой и иллюзией.Это история о тайнах, которые лучше не знать, и истине, за которую придётся бороться. О свободе мысли, силе выбора и праве каждого человека самому определять свою жизнь.А если реальность не такая, какой ты её помнишь, готов ли ты узнать правду?

© Харламова М. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. 5
Глава 1. Демьян Юбков и другие неудобства 12
Глава 2. Фотография 1814 года 23
Глава 3. Язык намерения 31
Глава 4. Первое испытание: границы 36
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Милена Харламова
Дом, который помнил

Пролог.

В тот четверг дождь начался в половине пятого и вёл себя так, словно город задолжал ему денег.

Он барабанил по крышам, стекал по витринам, превращал тротуары в зеркала и с особенным усердием заливал перекрёстки, где водители, пешеходы и велосипедисты пытались доказать друг другу, что именно они имеют право двигаться первыми. Небо нависло над домами тяжёлой серой крышкой. Фонари зажглись раньше обычного, а ветер гонял по мостовой мокрые листья, рекламные листовки и одинокий красный шарф, который несколько раз обмотался вокруг водосточной трубы и наконец исчез в подворотне.

Мильхара шла, подняв воротник пальто, и старалась не думать о том, что забыла зонт.

Это было не самое страшное из случившегося за день, но именно оно раздражало сильнее всего.

Утром она опоздала на встречу, потому что решила сэкономить десять минут и пошла незнакомым переулком. В результате потратила двадцать пять, промокла до колен и обнаружила, что нужный адрес находится в здании, которое местные жители упорно называли то аптекой, то бывшей аптекой, то местом, где раньше продавали что-то совершенно другое. На самой встрече выяснилось, что собеседник перепутал дату. После этого Мильхара зашла в булочную, чтобы хотя бы купить тёплую булочку, но забыла кошелёк дома.

К вечеру ей хотелось только одного: добраться до своей комнаты, снять мокрую одежду, заварить чай и не принимать ни одного решения хотя бы до следующего утра.

Поэтому, когда улица впереди неожиданно разделилась на две, Мильхара остановилась.

Она хорошо знала этот район. Не настолько, чтобы перечислить номера домов по памяти, но достаточно, чтобы понимать: между булочной с зелёной вывеской и закрытой лавкой часовщика не могло быть ещё одного здания.

Там находилась узкая стена, испещрённая следами старых объявлений. Иногда на ней появлялись афиши, иногда кто-то рисовал углём неприличные усы на портрете очередного городского деятеля, но никаких дверей там никогда не было.

Теперь дверь была.

Она находилась в глубине узкого прохода, куда Мильхара не помнила, чтобы когда-либо сворачивала. За ней поднимался фасад старого дома — тёмного, высокого и настолько узкого, что два человека едва ли смогли бы разминуться у его входа. Верхние окна терялись в дождливой дымке. Камень вокруг окон потемнел от времени, а по стенам вились тонкие металлические полосы, напоминавшие корни дерева.

Над дверью висела небольшая табличка.

Мильхара прищурилась.

Надпись не была стёртой. Она выглядела так, будто её нанесли вчера, а затем много лет держали под дождём, солнцем, ветром и чужими взглядами.

Дом на улице Семи Ключей.

Мильхара перечитала надпись.

Потом посмотрела на улицу.

Потом снова на табличку.

— Нет, — сказала она вслух.

Слово прозвучало убедительно. По крайней мере, ей самой так показалось.

Она достала телефон и открыла карту. На экране появилась знакомая схема улиц. Булочная была на месте. Часовщик — тоже, хотя его лавка давно закрылась. Между ними тянулась сплошная линия стены.

Никакого дома.

Мильхара приблизила карту. Затем ещё раз. Проверила название улицы, отключила и снова включила геолокацию. Телефон на секунду задумался, будто тоже столкнулся с неприятным вопросом, а потом показал прежнюю схему.

Дома не существовало.

Мильхара подняла голову.

Дом существовал.

— Замечательно, — пробормотала она. — Теперь у меня ещё и архитектурные галлюцинации.

Она не была человеком, который немедленно объясняет непонятное магией. Обычно она сначала проверяла более скучные версии: усталость, плохое освещение, ошибка навигации, чей-то странный проект, ремонт, временная конструкция. Мир и без чудес был достаточно запутанным, чтобы не требовать сверхъестественного объяснения для каждой нестыковки.

Но у каждой из этих версий обнаружился недостаток.

Дом был слишком основательным для декорации. Камень не выглядел новым, дерево двери не блестело свежим лаком. На стене лежали слои времени: трещины, потемневшие швы, следы когда-то снятых креплений. Даже дождь обходился с фасадом так, будто знал его давно.

Мильхара сделала шаг ближе.

На двери висело латунное кольцо в форме раскрытого глаза.

Она замерла.

Кольцо было старым, тяжёлым и тщательно отполированным там, где его чаще всего касались пальцы. Вокруг круглого отверстия расходились тонкие лучи, похожие на ресницы. Зрачок представлял собой небольшую выпуклость, а в самой середине была выгравирована линия, которая могла изображать закрытый рот.

Мильхара не знала, почему эта деталь показалась ей знакомой. Она никогда не видела такого кольца — в этом она была уверена. И всё же на мгновение возникло странное ощущение, будто она не впервые стоит перед этой дверью, просто слишком долго не могла вспомнить, когда приходила сюда в прошлый раз.

Она отступила.

Ощущение исчезло.

— Я сегодня слишком мало ела, — сообщила она дому. — Это многое объясняет.

Дом, разумеется, не ответил.

Мильхара обошла его взглядом. Слева проход упирался в стену, справа тоже. Между фасадом и соседними зданиями оставалось слишком мало места для лестницы, коридора или даже нормального внутреннего двора. Она попыталась представить, как дом выглядит сзади, но воображение отказывалось помогать. Вся постройка казалась не столько узкой, сколько неполной — словно её вырезали из какого-то другого места и вставили сюда, не позаботившись о том, чтобы объяснить окружающему миру, что именно произошло.

Она могла уйти.

Это было самым разумным решением.

Мильхара даже повернулась к улице, сделала два шага и остановилась. Не потому, что услышала голос или увидела движение. Просто внезапно поняла, что уйти сейчас будет означать не принять решение, а позволить ему принять себя за неё.

Дом не звал её. По крайней мере, никакого звука она не слышала.

Но с того момента, как она увидела дверь, внутри неё возникло тихое, настойчивое чувство, похожее на узнавание мелодии, которую невозможно вспомнить целиком. Оно не обещало безопасности, не сулило богатства, не требовало немедленного действия. Оно только говорило: здесь есть что-то, на что ты уже однажды обратила внимание, даже если не помнишь когда.

Мильхара снова повернулась к двери.

— Хорошо, — сказала она. — Посмотрю. Но если внутри окажется кто-то с предложением продать мне бессмертие в рассрочку, я уйду.

Она взялась за кольцо.

Металл оказался тёплым.

Не нагретым солнцем — солнца сегодня не было. Не тёплым от чьей-то руки: дождь лил уже несколько часов, а кольцо не выглядело недавно тронутым. Тепло было ровным, почти человеческим, и исчезло в тот момент, когда Мильхара разжала пальцы.

Дверь открылась без скрипа.

За ней находился холл.

Мильхара ожидала увидеть маленькую прихожую, может быть, короткий коридор, заканчивающийся стеной соседнего здания. Вместо этого перед ней лежало пространство, в котором можно было разместить весь первый этаж обычного особняка. Потолок уходил вверх, теряясь в полумраке. По стенам тянулись деревянные панели, между которыми висели картины без

подписей. Пол был выложен тёмными плитами, и в каждой из них отражался слабый свет, хотя никаких ламп поблизости не было.

Пахло пылью, розами и грозой.

Запах был настолько отчётливым, что Мильхара на секунду забыла о дожде. Пыль напоминала старые книги, розы — засохшие лепестки между страницами, а запах грозы был тем особенным металлическим ароматом, который появляется в воздухе перед ударом молнии.

Она переступила порог.

Дверь за спиной осталась открытой.

— Есть кто-нибудь? — спросила Мильхара.

Её голос поднялся к потолку и вернулся чуть позже, чем должен был.

Ответа не последовало.

Впереди находилась лестница.

Она начиналась у дальней стены, делала поворот и уходила наверх. На первый взгляд лестница была обычной: деревянные ступени, гладкие перила, несколько потемневших балясин. Но чем дольше Мильхара смотрела на неё, тем сильнее ощущала несоответствие.

Снаружи дом был не выше двух этажей.

Лестница поднималась так, словно вела на десятый.

Мильхара медленно повернула голову и посмотрела назад, на входную дверь. Теперь та казалась гораздо дальше, чем секунду назад. Она видела её целиком, но не могла понять, как между ней и лестницей поместилось столько пространства.

— Архитектору явно не хватило чувства меры, — сказала она.

На этот раз эхо не вернулось.

Где-то наверху тихо щёлкнуло.

Мильхара посмотрела на ступени.

На третьей лежала маленькая белая пуговица. На седьмой — сухой лепесток розы. На одиннадцатой — узкая полоска бумаги, сложенная вдвое.

Она не стала подниматься. Вместо этого пошла вдоль стены, рассматривая картины. На одной изображался зимний сад, где все деревья были лишены листьев, но ветви каждого дерева изгибались так, словно на них лежал снег. На другой — пустая комната с раскрытым окном. На третьей не было ничего, кроме тёмного коридора, уходящего в перспективу.

В какой-то момент Мильхара заметила, что на картине с коридором появилась дверь.

Она моргнула.

Дверь исчезла.

— Нет, — повторила Мильхара. — Мы не будем делать вид, что это нормально.

Она нашла зеркало в конце холла.

Оно стояло в тяжёлой раме из тёмного дерева. По углам рамы были вырезаны ветви, между которыми прятались крошечные птицы. Стекло казалось старым, но чистым. Перед ним стоял небольшой столик, на котором лежала закрытая книга без названия.

Мильхара остановилась на расстоянии вытянутой руки.

Сначала она увидела себя: мокрые волосы, бледное лицо, тёмное пальто, выражение человека, который слишком устал, чтобы продолжать удивляться, но ещё не настолько устал, чтобы отказаться от осторожности.

Затем отражение изменилось.

За её плечом стояла женщина.

Мильхара резко обернулась.

Позади никого не было.

Она снова посмотрела в зеркало.

Женщина оставалась на месте.

Она была высокой, в длинном платье цвета старого серебра. Её лицо казалось молодым и одновременно не поддавалось определению возраста. Тёмные волосы были убраны назад, и только одна прядь, совершенно серебряная, свободно падала вдоль щеки. Женщина не выглядела испуганной. Скорее, она казалась усталой от долгого ожидания.

Мильхара не могла заставить себя отвести взгляд.

Женщина подняла руку и коснулась стекла изнутри.

По зеркалу прошла рябь.

На поверхности появились слова. Они проступали медленно, словно кто-то писал на запотевшем стекле невидимым пальцем.

Не верь тому, кто придёт первым.

Мильхара почувствовала, как холодеют ладони.

Она прочла надпись ещё раз.

— Кто вы? — спросила она.

Женщина не ответила.

— Что значит «тот, кто придёт первым»?

Серебряная прядь дрогнула, хотя в зеркале не было ветра. Женщина посмотрела куда-то в сторону, за пределы отражения, будто услышала звук, недоступный Мильхаре.

Затем произнесла слово.

— Саэ…

Звук был тихим, но от него у Мильхары заломило в висках.

Женщина продолжила:

— Вейра.

Мильхара не знала этого языка. Никогда не учила его, не слышала в фильмах, не встречала в книгах. И всё же смысл возник в сознании раньше, чем она успела задуматься о произношении.

Память открывает.

Женщина прижала ладонь к стеклу.

На этот раз зеркало не дрогнуло. Напротив, его поверхность стала гладкой, словно вода, которая замёрзла за одно мгновение. В глубине стекла возник знак: три дуги, соединённые у основания. Они напоминали три полукруга, один над другим, но каждый был немного смещён относительно предыдущего.

Знак вспыхнул серебристым светом.

Мильхара отшатнулась.

Боль пришла не сразу. Сначала она ощутила давление в середине ладони, будто к коже приложили холодную монету. Потом пальцы свело судорогой, и она невольно сжала руку.

На коже проступили три тонкие линии.

Они складывались в тот же знак.

Мильхара уставилась на ладонь. Линии не были порезами. Кожа оставалась целой, но под ней мерцало слабое серебряное сияние.

— Уберите это, — сказала она зеркалу.

Женщина закрыла глаза.

В её лице впервые появилось что-то похожее на страх.

Она попыталась что-то сказать, но слова рассыпались на звуки. Стекло потемнело от краёв к середине. На мгновение Мильхара увидела за женщиной не комнату, а множество узких проходов, пересекающихся в невозможной перспективе. В каждом проходе стояла дверь. Некоторые были открыты, другие запечатаны, а за одной из них колыхалась тьма, похожая на чернильное пятно в воде.

Затем отражение снова стало обычным.

Женщина исчезла.

Мильхара осталась одна перед зеркалом.

На стекле больше не было надписи.

Она подняла руку к лицу и осторожно коснулась серебряного знака. Он оказался гладким и холодным. Свет погас, но линии не исчезли.

Снаружи громыхнуло.

Мильхара вздрогнула и обернулась к входу.

Дверь, которую она оставила открытой, теперь была закрыта.

В холле раздался стук.

Три удара — ровных, уверенных, почти вежливых.

Мильхара посмотрела на дверь. Затем на зеркало. Затем снова на дверь.

— Нет, — прошептала она. — Нет, это уже слишком удобно.

Стук повторился.

— Мильхара? — раздался мужской голос с другой стороны. — Я Демьян Юбков. Нам нужно поговорить.

Имя ничего ей не говорило.

И всё же в тот момент, когда незнакомец произнёс его, знак на ладони отозвался слабым покалыванием.

Мильхара медленно сжала пальцы.

Женщина в зеркале предупреждала не доверять тому, кто придёт первым.

Первым пришёл Демьян Юбков.

Он снова постучал.

— Я знаю, что вы внутри.

Мильхара посмотрела на свою руку и поняла, что уже не может сделать вид, будто ничего не произошло.

Она подошла к двери, но не открыла её.

— Откуда вы знаете моё имя?

За дверью наступила пауза.

— Потому что дом назвал его.

Мильхара закрыла глаза.

— Конечно, — пробормотала она. — Почему бы дому не знать ещё и номер моей банковской карты?

— Я слышал, — сказал Демьян.

— Тогда у вас должно быть достаточно сведений, чтобы понять, что я не собираюсь открывать дверь незнакомцу, который разговаривает с домами.

— Это разумно.

Его ответ оказался настолько неожиданным, что Мильхара замолчала.

— Вы не обязаны мне доверять, — продолжил он. — Но, если останетесь там одна, вам придётся самостоятельно разбираться с тем, что уже заметило ваше присутствие.

— Что именно заметило?

— Дом.

— Дом заметил меня?

— Не только дом.

Мильхара посмотрела на зеркало.

На мгновение ей показалось, что в глубине стекла снова мелькнула серебряная прядь.

Она отступила от двери.

— Я не открою, — сказала она.

— Хорошо.

Снова пауза.

— Вы всегда так легко соглашаетесь?

— Нет. Обычно я сначала спорю. Но сейчас вы правильно обозначили границу.

Мильхара не знала, что ответить.

За дверью послышался тихий шорох, словно Демьян поправил рукав или переложил что-то из одной руки в другую.

— Я буду здесь, — сказал он. — Когда решите, что готовы разговаривать, постучите три раза.

— А если не решу?

— Тогда я уйду.

Он не стал добавлять, что это будет ошибкой. Не попытался убедить её, что знает лучше. Не пригрозил и не пообещал спасти.

Именно поэтому Мильхара не поверила ему окончательно.

Человек, который хочет управлять чужим решением, не всегда повышает голос. Иногда он просто оставляет достаточно пространства, чтобы решение казалось свободным.

Она ещё раз посмотрела на знак.

Три дуги лежали на ладони так, словно всегда принадлежали ей.

— Саэ вейра, — прошептала Мильхара.

Знак едва заметно потеплел.

А где-то глубоко внутри дома прозвенел колокол.

Один раз.

Тонко и ясно, как сигнал, который ждали много лет.

И лестница наверху начала медленно поворачиваться.

Глава 1. Демьян Юбков и другие неудобства

Колокол прозвенел второй раз, когда Мильхара уже решила, что не станет выяснять, откуда он взялся.

Она стояла посреди холла, прижимая ладонь к груди, и пыталась убедить себя, что звук мог исходить из обычного механизма. Старые дома полны вещей, способных звенеть без всякой мистики: часы, дверные подвески, плохо закреплённые детали, колокол над входом. Вполне возможно, в стенах скрывалась какая-нибудь система оповещения, установленная владельцами много лет назад.

Единственная проблема заключалась в том, что колокол прозвучал изнутри лестницы.

Мильхара посмотрела наверх.

Ступени больше не были неподвижными. Не двигались в привычном смысле — не поднимались и не опускались, не выдвигались из стен. Просто каждый раз, когда она моргала, лестница оказывалась немного другой. Теперь она делала поворот налево, хотя минуту назад уходила прямо. Перила изгибались плавной дугой, а площадка наверху отодвинулась в глубину дома.

Мильхара зажмурилась, сосчитала до пяти и снова открыла глаза.

Лестница осталась прежней.

Она медленно выдохнула.

— Хорошо. Допустим, я не сплю. Допустим, дом существует. Допустим, зеркало разговаривает. Но лестница не может менять длину, потому что у здания есть наружные стены, а у наружных стен есть вполне определённые размеры.

Она замолчала.

За дверью кто-то тихо кашлянул.

— Вы разговариваете сами с собой? — спросил Демьян.

— Я обсуждаю с архитектурой её недостатки.

— И как успехи?

— Архитектура ведёт себя крайне неубедительно.

— Тогда вы ещё не встречались с лестницей на третьем этаже.

Мильхара повернулась к двери.

— Вы сказали, что уйдёте, если я не открою.

— Я сказал, что уйду, если вы решите не разговаривать.

— Я не решила разговаривать.

— Я заметил.

— Тогда почему вы всё ещё здесь?

— Потому что колокол прозвучал дважды.

Мильхара посмотрела на лестницу.

— И что?

— Первый звон означает, что дом признал ваше присутствие. Второй — что он начал отвечать.

— На что отвечать?

— На вас.

Она помолчала.

— Это звучит как очень плохая система безопасности.

— Система безопасности здесь действительно не самая надёжная.

— Вы сейчас пытаетесь меня успокоить?

— Нет. Я стараюсь не вводить вас в заблуждение.

Это был второй ответ Демьяна, который Мильхара не смогла сразу отнести к привычной категории. Он не убеждал её, что всё в порядке. Не требовал верить ему на слово. И не притворялся, будто происходящее можно объяснить одной удобной фразой.

Но женщина в зеркале всё равно оставалась права в одном: именно он пришёл первым.

Мильхара подошла к двери и положила пальцы на ручку. Знак на ладони не светился, но под кожей сохранялось слабое тепло.

— Я открою, — сказала она. — Однако вы не будете входить дальше порога, пока я не разрешу.

— Согласен.

— И не станете прикасаться ко мне, к моим вещам или к этой руке.

— Согласен.

— Если вы знаете, что это за знак, вы расскажете мне всё, что знаете. Не только ту часть, которая кажется вам полезной.

За дверью снова наступила тишина.

На этот раз пауза затянулась.

— С этим сложнее, — произнёс Демьян.

Мильхара убрала руку с ручки.

— Тогда разговора не будет.

— Я не сказал, что отказываюсь.

— Вы сказали, что сложнее. Я услышала именно это.

— Я могу рассказать вам то, что знаю. Но не могу обещать, что знаю всё.

— Это другое.

— Да. Другое.

Мильхара подождала ещё несколько секунд, проверяя собственное решение. Ей не хотелось открывать дверь. Не хотелось видеть незнакомца, который каким-то образом знал её имя и разговаривал с домом так, будто подобные обстоятельства случались с ним по вторникам. Но ещё меньше ей хотелось позволить кому-то другому определять, когда она должна бояться и когда обязана доверять.

Она повернула ручку.

Дверь открылась.

На пороге стоял мужчина примерно её возраста или немного старше. Точно определить было трудно: его лицо не выглядело ни юным, ни уставшим, а выражение было таким собранным, что могло принадлежать человеку, который привык рассчитывать каждую минуту и редко позволял себе удивляться.

На нём было тёмное пальто, мокрое по плечам, и серый шарф, завязанный без особого старания. Волосы потемнели от дождя. В правой руке он держал небольшую кожаную сумку, а в левой — старый фонарь с матовым стеклом.

Фонарь был выключен.

Мильхара сразу заметила ещё одну деталь: Демьян не смотрел на неё так, как смотрят на человека, которого собираются спасать. Он внимательно изучал дверной проём, лестницу за её спиной и участок пола возле зеркала. Его взгляд задержался на латунном кольце, затем переместился к её лицу.

Только после этого он посмотрел на ладонь.

Мильхара тут же опустила руку.

— Я не просила вас осматривать меня.

— Простите.

Он отвёл взгляд.

Без раздражения. Без демонстративного вздоха. Просто перестал смотреть.

Это тоже было неудобно.

Мильхара заранее приготовилась к спору и теперь не знала, куда деть заготовленные аргументы.

— Вы Демьян Юбков?

— Да.

— Чем вы занимаетесь?

— Сейчас? Пытаюсь выяснить, почему дом открылся раньше, чем я ожидал.

— А вообще?

— Ищу связи между событиями, которые официально никак не связаны.

— То есть расследуете?

— Иногда. Иногда проверяю архивы. Иногда пытаюсь убедить людей, что отсутствие записи ещё не доказывает отсутствие события.

— Вы детектив?

— Нет.

— Архивист?

— Не совсем.

— Учёный?

— В некоторых обстоятельствах.

— Вы всегда так отвечаете?

— Только когда человек задаёт вопросы быстрее, чем я успеваю дать на них нормальные ответы.

Мильхара невольно усмехнулась.

— Хорошо. Тогда начнём с нормального ответа. Почему вы знаете моё имя?

— Дом назвал его.

— Я уже слышала эту версию. Она мне не понравилась.

— Другой у меня пока нет.

— Вы ожидаете, что я приму объяснение, в котором здание разговаривает с людьми?

— Нет. Я ожидаю, что вы будете проверять его до тех пор, пока не появится что-то лучше.

Он сказал это спокойно, без насмешки.

Мильхара внимательно посмотрела на него.

— А если ничего лучше не появится?

— Тогда у нас останется объяснение, которое мы пока не можем подтвердить. Это не делает его автоматически истинным.

Впервые за вечер ей захотелось немного расслабиться.

Совсем немного.

— Вы можете войти, — сказала она. — Но только в холл.

Демьян переступил порог и остановился, не отходя от двери. Сначала он осмотрел пол, потом потолок, затем провёл взглядом по лестнице. Наконец достал из кармана маленький блокнот и записал несколько слов.

— Что вы записали? — спросила Мильхара.

— Время входа. Состояние двери. Два звонка колокола. Изменение положения лестницы.

— Вы видели, как она менялась?

— Нет. Я видел, что она изменилась.

— Это разные вещи.

Демьян поднял голову.

— Именно.

Мильхара неожиданно почувствовала, что разговор может оказаться полезным. Не потому, что Демьян непременно говорил правду, а потому, что он не пытался превратить свои догадки в факты.

Она указала на лестницу.

— Вы знаете, что это за дом?

— Знаю некоторые его свойства.

— Например?

— Он появляется не везде и не для всех. Иногда его можно искать годами, не обнаружив даже следа. Иногда человек поворачивает за угол и видит его там, где вчера была глухая стена.

— А почему он появляется?

— По разным причинам. Но чаще всего — когда человек слышит зов Памяти.

Мильхара нахмурилась.

— Что такое зов Памяти?

— Я не знаю точного определения.

— Удобно.

— Согласен. Но если я начну придумывать определение только потому, что вам хочется получить ответ, мы оба станем знать меньше, а не больше.

Она скрестила руки.

— Продолжайте.

— Зов Памяти не обязательно связан с конкретным воспоминанием. Иногда это ощущение, что в привычной картине мира чего-то не хватает. Иногда человек сталкивается с проти-

воречием, которое не может объяснить. Иногда обнаруживает след события, о котором никто не помнит. Дом реагирует на такие состояния, но не всегда одинаково.

— То есть он появляется перед людьми, которые задают слишком много вопросов?

— Нет. Таких людей довольно много. Дом появляется перед теми, чьи вопросы каким-то образом связаны с ним.

— А как он это определяет?

— Мы пока не знаем.

— Вы часто используете слово «мы».

— Потому что я не единственный, кто его изучает.

— Кто ещё?

Демьян не ответил сразу.

Он посмотрел на лестницу, и на мгновение его лицо изменилось. Уверенность осталась, но под ней обнаружилось нечто более тяжёлое — не страх, скорее, привычка помнить о последствиях.

— Люди, которым я доверяю, — сказал он наконец. — И люди, которым я не доверяю.

— Очень обнадёживающее разделение.

— Оно честнее, чем делать вид, будто все участники исследования преследуют одну цель.

— А вы какую преследуете?

— Хочу понять, что произошло с магистром Арденом.

Имя повисло в холле.

Мильхара не знала этого человека, но почувствовала, что произнесённое имя имеет здесь вес. Знак на ладони едва заметно потеплел.

Демьян это заметил. Он не потянулся к её руке и не стал задавать вопрос сразу. Просто закрыл блокнот.

— Значит, дом уже показал вам что-то, связанное с Арденом.

— Нет. Я ещё не знаю, что он мне показал.

— Это разумный ответ.

— Вы часто говорите людям, что их ответы разумны?

— Нет. Обычно я говорю, что они неразумны.

— Тогда, должно быть, вы пользуетесь огромной популярностью.

— Я стараюсь не измерять полезность разговора популярностью.

— И всё-таки почему вы ищете магистра Ардена?

Демьян опустил взгляд на фонарь в своей руке.

— Потому что однажды я открыл дверь, которую не должен был открывать.

Мильхара почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— И что было за дверью?

— Человек, которому я обещал помочь.

— А потом?

— Потом он исчез.

— Из-за вас?

— Я не знаю.

Ответ был произнесён без попытки смягчить его. Демьян не стал говорить, что сделал всё возможное, что обстоятельства оказались сильнее или что виноват кто-то другой. Он просто оставил вопрос открытым.

Мильхара знала, как трудно признать, что ты не понимаешь последствий собственного поступка. Иногда люди придумывают себе оправдания задолго до того, как кто-нибудь успеет их обвинить. Демьян не оправдывался.

Это не делало его невиновным.

Но и не доказывало обратного.

— В зеркале была женщина, — сказала Мильхара.

Демьян поднял голову.

— С серебряной прядью?

— Да.

Его пальцы сжались на ручке фонаря.

— Она что-нибудь сказала?

— Написала: «Не верь тому, кто придёт первым».

Демьян побледнел.

Не резко, не театрально. Просто из его лица словно ушёл тот небольшой запас тепла, который оставался после дождя.

Мильхара заметила это и сразу насторожилась.

— Вы её знаете.

— Я видел её раньше.

— Где?

— В этом доме.

— Кто она?

— Иара.

Имя ничего не объяснило. Наоборот, вопросов стало больше.

— Она предупредила меня о вас.

— Я понял.

— И вы не собираетесь защищаться?

— А что именно я должен сказать? Что она ошибается? Я не знаю, почему она вас предупредила. Не знаю, что она видела. И не знаю, какую часть моей истории она считает важной.

— Но вы знаете, что она не случайный образ в зеркале.

— Да.

Мильхара сделала шаг назад.

— Тогда почему вы не сказали об этом сразу?

— Потому что вы не спрашивали.

— Вы серьёзно?

— Вы попросили рассказать то, что я знаю о знаке. До этого мы говорили о доме.

— Вы действительно считаете, что можно разделить эти вещи?

— Нет. Но я считаю, что не имею права решать за вас, какую информацию вы должны получить первой. Если бы я начал рассказывать всё подряд, вы не смогли бы отличить мои ответы от моих предположений.

Это звучало разумно.

И всё же раздражало.

— Вы опасны своей уверенностью, — произнёс женский голос.

Мильхара обернулась.

На лестнице стояла женщина.

Она была невысокой, с тёмными волосами, собранными в тугой узел, и лицом, на котором удивление редко задерживалось дольше необходимого. На ней было простое платье глубокого синего цвета, а поверх плеч — тёплая шерстяная накидка. В одной руке она держала связку ключей, в другой — небольшую лампу.

Мильхара не слышала, как женщина вошла.

И это, учитывая всё остальное, начинало казаться закономерностью.

— Марфа, — сказал Демьян.

— Демьян, — ответила женщина. — Ты опять пришёл раньше, чем следовало.

— Я не знал, что она уже здесь.

— Ты никогда не знаешь, когда следует остановиться.

Марфа спустилась на несколько ступеней, но дальше не пошла. Её взгляд остановился на Мильхаре.

— Значит, дом выбрал тебя.

— Я пока не уверена, что он меня выбирал, — ответила Мильхара. — Возможно, я просто свернула не туда.

— Иногда это одно и то же.

— А иногда — нет.

Марфа чуть заметно улыбнулась.

— Хорошо. Значит, ты ещё способна спорить.

— Я предпочитаю сначала понять, о чём идёт речь.

— Тогда тебе придётся научиться задавать вопросы, на которые никто не сможет ответить за тебя.

— А вы можете ответить хотя бы на один?

— Могу. Но сначала скажи мне: ты уже видела знак?

Мильхара не подняла руку.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что ты держишь ладонь так, словно боишься её потерять.

Героиня опустила взгляд. Действительно, пальцы левой руки были сжаты, а большой палец правой непроизвольно прижимался к основанию ладони.

Она медленно разжала пальцы.

— Да. Знак появился после того, как я посмотрела в зеркало.

Марфа спустилась ещё на одну ступень.

— Он болит?

— Нет.

— Меняется?

— Иногда становится тёплым.

— Ты пыталась его стереть?

— Нет.

— Хорошо.

— Почему это хорошо?

— Потому что ты пока не знаешь, что именно пытаешься стереть.

Демьян отвёл взгляд.

Марфа заметила это.

— А ты, разумеется, уже собирался объяснить ей, как работает знак.

— Я собирался рассказать то, что знаю.

— То, что знаешь ты, — не то же самое, что то, что ей нужно услышать сейчас.

— А кто будет решать, что ей нужно?

— Она сама, если мы не станем мешать.

Мильхара посмотрела на обоих.

— У меня складывается впечатление, что вы давно спорите о людях, которые ещё не успели войти в комнату.

— Это потому, что Демьян любит открывать двери, не думая о том, что находится за ними, — сказала Марфа.

— Я думаю о последствиях.

— После того, как откроешь.

— Иначе невозможно узнать, что за дверью.

— Можно хотя бы сначала проверить замок.

— А если проверка займёт столько времени, что человек за дверью погибнет?

— А если ты откроешь дверь и погубишь его сам?

Их голоса не повышались. Они явно привыкли к подобным разговорам, в которых каждое слово было не столько ответом, сколько продолжением давнего спора.

Мильхара подняла руку.

— Достаточно.

Оба замолчали.

Это произошло так быстро, что она сама удивилась.

— Я не знаю, кто из вас прав, — продолжила она. — Не знаю, кто такой Арден, почему Иара предупредила меня о Демьяне и что означает этот знак. Я не собираюсь принимать решение только потому, что один из вас говорит увереннее другого. И не позволю вам спорить обо мне так, будто меня здесь нет.

Марфа внимательно посмотрела на неё.

Демьян опустил фонарь.

В холле стало тихо.

Мильхара ожидала возражений. Возможно, насмешки. Она была готова защищать каждую фразу, объяснять, почему имеет право не доверять незнакомцам и почему не обязана выбирать между ними.

Но никто не возразил.

Вместо этого знак на её ладони потеплел.

Не обжёг, не вспыхнул, не заставил её вздрогнуть. Тепло было мягким и ровным, словно она положила руку на чашку с горячим чаем.

Где-то внутри дома звякнул колокол.

Марфа медленно повернула голову к лестнице.

— Он услышал, — сказала она.

— Что именно? — спросила Мильхара.

— Твоё решение.

— Я просто сказала, что не хочу, чтобы за меня решали другие.

— Для начала этого достаточно.

Демьян открыл блокнот, но писать не стал.

— Значит, знак реагирует не на сам факт присутствия, — произнёс он. — Он реагирует на сформулированное намерение.

— Возможно, — сказала Марфа.

— Это можно проверить.

— Не сейчас.

— Почему?

— Потому что она только что обозначила границу, а ты уже пытаешься превратить её в эксперимент.

Демьян закрыл блокнот.

— Я не собирался…

— Собирался, — сказала Марфа. — Ты всегда так делаешь.

Мильхара посмотрела на свою ладонь. Серебряные линии оставались на месте. Теперь они выглядели не как знак, нанесённый на кожу, а как тонкий рисунок под прозрачным стеклом.

— Я хочу знать, что это такое, — сказала она. — Но не хочу, чтобы вы проверяли его на мне без моего согласия.

— Справедливо, — ответил Демьян.

Марфа кивнула.

— Тогда у нас есть первое правило.

— У кого это «у нас»? — спросила Мильхара.

— У всех, кто собирается оставаться в этом доме.

— Я ещё не решила, что собираюсь здесь оставаться.

— И правильно, — сказала Марфа. — Не принимай решение только потому, что дверь уже открыта.

Мильхара посмотрела на вход.

Дверь была закрыта. Она не помнила, чтобы кто-то её закрывал.

— А как мне отсюда выйти?

— Так же, как вошла, — ответила Марфа.

— То есть открыть дверь?

— Если дом позволит.

Мильхара медленно повернулась к ней.

— Вы сейчас шутите?

— Нет.

— А это было бы очень кстати.

— Дом не удерживает каждого, кто в него вошёл. Но иногда выход оказывается не там, где человек его ожидает.

— И как часто такое случается?

— Достаточно часто, чтобы не советовать тебе проверять это в одиночку.

— Вот теперь вы пытаетесь меня напугать.

— Нет. Я пытаюсь дать тебе информацию, которую сама хотела бы знать на твоём месте.

Марфа произнесла это без таинственности, и оттого слова прозвучали убедительнее любых предупреждений.

Мильхара подошла к двери. Она не собиралась немедленно уходить, но хотела проверить, действительно ли выход зависит от настроения дома. Ручка повернулась без сопротивления. За дверью виднелся тот же узкий проход, мокрая мостовая и зелёная вывеска булочной.

Город был на месте.

Она выглянула наружу. Дождь почти закончился. На противоположной стороне улицы женщина закрывала зонт, а у булочной мужчина пытался удержать под мышкой бумажный пакет.

Ничего необычного.

Мильхара вернулась в холл и закрыла дверь.

— Значит, пока я могу уйти.

— Да, — сказала Марфа.

— И вы не станете меня останавливать?

— Нет.

— А вы? — Мильхара посмотрела на Демьяна.

— Нет.

Она внимательно изучила их лица, пытаясь обнаружить хотя бы малейший признак притворства.

Ничего не нашла.

И это оказалось гораздо сложнее, чем если бы кто-нибудь из них попытался её удержать.

— Хорошо, — сказала Мильхара. — Тогда я останусь ещё ненадолго.

— На сколько? — спросил Демьян.

— Пока не решу, что мне достаточно.

— Разумно.

— Если вы ещё раз скажете, что я поступаю разумно, я начну подозревать, что это ваша любимая форма манипуляции.

— Постараюсь сдерживаться.

— Постарайтесь.

Марфа тихо рассмеялась.

Это был короткий, неожиданный смех, который изменил её лицо. На несколько секунд она перестала выглядеть хранительницей древних тайн и стала просто женщиной, которой понравился чей-то ответ.

— Пойдём, — сказала она. — Тебе нужно согреться. Потом мы поговорим о знаке, о доме и о том, почему Демьян не должен первым открывать двери.

— Я всё ещё стою здесь, — заметил Демьян.

— Именно поэтому я и говорю об этом при тебе.

Мильхара пошла за Марфой, но остановилась у лестницы.

— Подождите. Вы сказали, что комнаты связаны с тем, что человек скрывает от самого себя. Что это означает?

Марфа обернулась.

— Дом не читает мысли так, как читают книгу. Он не знает о тебе всего и не может заставить тебя рассказать то, о чём ты молчишь. Но некоторые комнаты показывают человеку то, мимо чего он привык проходить. Иногда это воспоминание. Иногда вопрос. Иногда — выбор, который он откладывает.

— А если человек не хочет ничего видеть?

— Тогда ему придётся научиться говорить «нет».

— И дом послушается?

Марфа посмотрела на её ладонь.

— Не всегда сразу. Но граница, которую ты не обозначила, не может защитить тебя от чужого решения.

Мильхара запомнила эти слова.

Они казались простыми. Почти очевидными. Но в них было что-то, что заставляло её думать о собственных привычках: о том, как часто она соглашалась, чтобы не объяснять отказ; как брала на себя чужие обязанности, потому что никто другой не спешил их выполнять; как позволяла собеседнику говорить за неё, если он выглядел увереннее.

Она не считала это слабостью. Обычно она называла это практичностью.

Но, возможно, иногда практичность была просто красивым названием для страха испортить отношения.

— Вы давно живёте здесь? — спросила она Марфу.

— Достаточно давно.

— Это не ответ.

— Ты быстро учишься.

— Я стараюсь.

— Тогда научись ещё одному: не всякий вопрос требует немедленного ответа. Но каждый вопрос заслуживает того, чтобы его не забывали.

Марфа поднялась по лестнице.

Мильхара посмотрела на Демьяна.

— Вы пойдёте?

— Если вы не против.

— Пока не против.

Он убрал блокнот в карман и последовал за ними, оставив между собой и Мильхарой несколько ступеней.

Это было небольшое расстояние, но она заметила его.

И впервые с момента появления дома ей показалось, что здесь можно не только потеряться.

Здесь, возможно, можно было научиться находить путь — не потому, что кто-то другой укажет правильную дверь, а потому, что она сама начнёт понимать, куда готова идти.

В тот момент колокол прозвенел в третий раз.

На этот раз звук донёсся не из глубины дома.

Он раздался прямо над их головами.

Марфа остановилась.

Демьян поднял фонарь, хотя тот по-прежнему оставался выключенным.

Мильхара посмотрела вверх.

На потолке, которого секунду назад не было видно из-за темноты, проступила тонкая серебряная линия.

Она медленно изогнулась, образуя первую дугу.

Затем вторую.

Затем третью.

Тот же знак, что лежал на ладони Мильхары.

— Что это значит? — спросила она.

Марфа не ответила сразу.

— Это значит, — произнесла она наконец, — что дом услышал тебя не только здесь.

— А где ещё?

Марфа посмотрела на Демьяна.

И Мильхара поняла: они оба знают о происходящем больше, чем готовы рассказать.

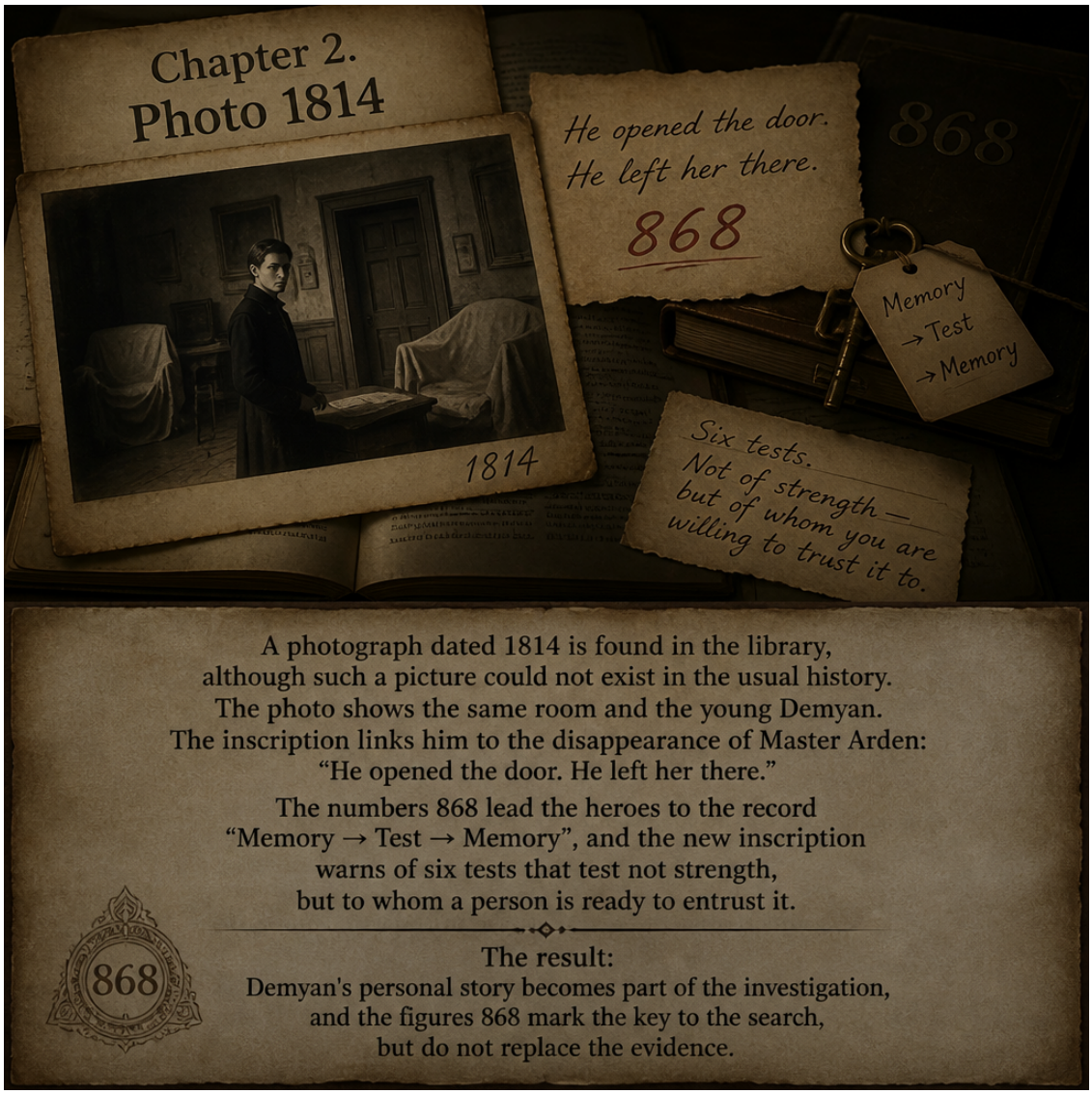
Но теперь она знала и другое.

Она не обязана была выбирать, кому верить только потому, что ответ требовался немедленно.

Пока достаточно было помнить, что именно она согласилась остаться.

И что это решение принадлежало ей.

Глава 2. Фотография 1814 года



Звон колокола ещё дрожал где-то в глубине Дома, когда Мильхара заметила, что лестница изменилась.

Изменение было небольшим, почти обидно незаметным после всего, что ей уже довелось увидеть. Ступени по-прежнему уходили вверх, перила оставались тёмными, а на стене висела та же картина с выцветшим пейзажем. Но теперь между лестничным пролётом и дверью, которую Мильхара прежде принимала за вход в кладовую, виднелась узкая арка.

За ней лежал коридор.

— Он всегда был здесь? — спросила Мильхара.

Демьян посмотрел туда, куда она указывала, и на мгновение перестал выглядеть человеком, который привык знать ответы.

— Нет.

— Ты уверен?

— Я бы предпочёл не отвечать на этот вопрос, — признался он. — Но да. Я уверен.

Марфа, стоявшая на несколько ступеней выше, скрестила руки на груди.

— Дом не обязан сохранять расположение комнат ради нашего удобства.

— Удивительно, как часто ты говоришь о нём так, словно он твой начальник, — заметил Демьян.

— А удивительно, как часто ты ведёшь себя так, словно любой закрытый проход существует исключительно для того, чтобы ты его открыл.

— Мы можем продолжать этот разговор здесь, — вмешалась Мильхара, — или выяснить, куда ведёт коридор. Но сначала я хочу знать, что вы оба собираетесь делать, если он окажется опасным.

— Остановиться, — сказала Марфа.

— Проверить, — одновременно с ней ответил Демьян.

Они посмотрели друг на друга.

— Это не одно и то же, — сказала Мильхара.

— Иногда одно, — возразил Демьян.

— А иногда одно из них заканчивается тем, что приходится искать пропавшего человека, — отрезала Марфа.

При упоминании пропавшего человека Демьян не стал спорить. Его лицо изменилось так быстро, что Мильхара могла бы принять это за игру света, если бы не следила за ним внимательно.

— Арден? — спросила она.

Он медленно повернулся к ней.

— Ты запомнила имя.

— Вы оба говорите о нём так, будто оно объясняет всё, но не объясняет ничего. Это обычно означает, что именно с него и нужно начинать.

Марфа опустила руки.

— В библиотеке могут быть записи.

— В библиотеке? — переспросила Мильхара.

— У Дома есть библиотека, — ответила Марфа. — Если он решит, что тебе туда нужно.

— А если не решит?

— Тогда будем искать другой путь.

Демьян усмехнулся:

— Ты становишься удивительно терпеливой, когда не приходится отвечать на вопросы.

— А ты становишься удивительно разговорчивым, когда хочешь, чтобы кто-нибудь пошёл первым.

Мильхара посмотрела на коридор.

— Я пойду первой, — сказала она. — Но не потому, что вы двое не можете договориться. Я пойду первой, потому что хочу сама увидеть, что там. Если что-то изменится, мы остановимся. И никто не будет трогать предметы, пока мы не поймём, что перед нами.

— Справедливо, — сказал Демьян.

— Разумно, — добавила Марфа.

— Прекратите соглашаться со мной так, будто это ваш совместный заговор.

Она шагнула под арку.

Коридор оказался короче, чем выглядел снаружи. На его стенах не было ни картин, ни зеркал, только тонкие вертикальные линии, напоминавшие следы от старых книжных полок. В конце находилась дверь из тёмного дерева. Вместо ручки на ней был круглый латунный диск с четырьмя выемками.

Мильхара не прикоснулась к нему.

— Это тоже появилось сейчас? — спросила она.

— Дверь я видел раньше, — ответил Демьян. — Но не здесь.

— Где?

— В другом месте Дома.

— Ты ведь понимаешь, что такой ответ не помогает.

— Понимаю. Просто пока не знаю, какой ответ помог бы.

Марфа обошла Мильхару, не приближаясь к диску.

— Посмотри на выемки.

В них были выгравированы четыре слова. Мильхара не знала языка, но почему-то чувствовала, что слова связаны между собой. Первое напоминало три дуги на её ладони. Второе состояло из коротких прямых линий. Третье было похоже на раскрытый веер. Последнее выглядело почти стёртым.

— Я не умею это читать, — сказала она.

— Пока нет, — ответила Марфа.

— А ты умеешь?

— Часть.

— Какую часть?

Марфа помедлила.

— Достаточную, чтобы не открывать эту дверь без подготовки.

Демьян подошёл ближе, но остановился на расстоянии вытянутой руки.

— На диске четыре выемки. Если повернуть его, Дом может ответить.

— А может и не ответить, — сказала Мильхара.

— Именно.

— Ты опять хочешь, чтобы я повернула его?

— Я хочу узнать, что произойдёт. Но решение не моё.

Это был первый раз, когда Демьян произнёс подобные слова без раздражения. Мильхара посмотрела на него, пытаясь понять, изменилось ли что-нибудь в его отношении к ней или он просто выбрал более удобный способ добиться своего.

— Пока не будем открывать, — решила она. — Сначала библиотека.

На этот раз дверь не стала возражать. Коридор за их спинами тихо щёлкнул, и арка начала медленно сужаться.

— Нам пора, — сказала Марфа.

Они успели вернуться на лестницу прежде, чем проход исчез. Там, где только что находилась арка, снова была глухая стена. Мильхара провела пальцами по камню. Он был холодным, обычным и совершенно не собирался объяснять, куда делся коридор.

— Библиотека, — напомнила она.

Марфа кивнула и повела их вниз.

Лестница привела в зал, которого Мильхара прежде не видела. Вдоль стен тянулись высокие шкафы, а между ними стояли столы с зелёными лампами. Воздух пах бумагой, пылью и чем-то терпким, напоминавшим сушёные листья. На дальнем столе лежала раскрытая книга, хотя рядом не было ни стула, ни следов того, что кто-то недавно здесь работал.

— Здесь хранятся документы? — спросила Мильхара.

— Не только документы, — ответила Марфа. — Записи, свидетельства, изображения. Иногда то, что люди забыли. Иногда то, что они решили забыть.

— А иногда то, что ты предпочла бы не находить, — добавил Демьян.

Марфа бросила на него предупреждающий взгляд.

— Не превращай каждую комнату в исповедь.

— Я ничего не превращаю. Я просто говорю, что библиотека не всегда показывает удобные вещи.

Мильхара подошла к ближайшему шкафу. На корешках книг не было привычных названий — лишь цифры, знаки и короткие строки незнакомого письма. Некоторые книги были тонкими, почти как тетради, другие напоминали тяжёлые архивные тома. Между ними лежали папки с металлическими застёжками.

На одной из полок она заметила маленькую карточку с цифрами 868.

— Что это?

Демьян повернулся так резко, что задел плечом край стола.

— Где?

Мильхара указала на карточку.

Он не подошёл ближе.

— Не снимай её.

— Почему?

— Потому что я не знаю, что она означает.

— Тогда почему ты так испугался?

— Я не испугался.

— Ты перестал дышать на несколько секунд.

— Это не одно и то же.

— Удивительно, сколько здесь людей, которые считают, что, если назвать очевидное другим словом, оно перестанет быть очевидным, — сказала Мильхара.

Марфа едва заметно улыбнулась.

— В этом случае она права.

Демьян посмотрел на обеих и поднял ладони, признавая поражение.

— Хорошо. Я узнал эти цифры. Но не знаю, почему они здесь.

— Где ты видел их раньше?

— В записях об Ардене.

Тишина библиотеки стала ощутимой. Даже шелест страниц за соседним шкафом прекратился.

Мильхара сняла карточку с полки, не открывая никаких папок. На обороте было написано: «Память Испытание Память».

— Это похоже на маршрут, — сказала она.

— Или на последовательность, — ответила Марфа. — Но мы не знаем, к чему она относится.

— И не будем притворяться, что знаем, — добавила Мильхара.

Она положила карточку на стол.

На зелёный свет лампы легла тонкая тень, похожая на перо.

Марфа открыла ближайший шкаф и вынула толстую папку. На её обложке стояло имя: Магистр Арден. Под ним был выведен год — 1814.

— Вот, — сказала она. — С этого можно начать.

Внутри папки находились несколько листов с записями, схема помещений и конверт, запечатанный тёмным воском. Мильхара не стала трогать печать. Вместо этого она внимательно осмотрела первый лист. Почерк был мелким, наклонным, с длинными соединительными линиями. В верхнем углу стояла та же дата: 1814.

— Почему фотография? — спросила она. — Я думала, мы ищем записи.

— Фотография может быть записью, — ответил Демьян. — Особенно здесь.

Он вынул из папки плотный лист, держась за края. На нём была фотография комнаты, в которой они стояли сейчас.

Не похожей комнаты. Не комнаты с похожими шкафами и лампами.

Именно этой.

На снимке виднелись стол с зелёной лампой, два шкафа у дальней стены и окно, за которым угадывался узкий внутренний двор. Но на фотографии стояли люди. Трое мужчин и женщина, одетые в старомодные костюмы. Один из мужчин держал книгу. Второй смотрел прямо в объектив. Женщина стояла чуть в стороне, словно не хотела попадать в кадр.

Молодой человек у стола был похож на Демьяна.

Не просто чертами лица. У него была та же привычка чуть наклонять голову, когда он внимательно слушал, и тот же тонкий шрам у линии подбородка.

Мильхара медленно перевела взгляд с фотографии на Демьяна.

— Сколько тебе лет?

— Это не тот вопрос, который поможет нам разобраться.

— Значит, ответ тебе не нравится.

— Значит, ответ сложнее, чем ты ожидаешь.

— Тогда объясни сложность.

Он посмотрел на снимок. В его лице не было ни удивления, ни простого испуга. Скорее, выражение человека, который обнаружил, что давно закрытая дверь всё это время оставалась приоткрытой.

— Я не помню, чтобы стоял здесь в 1814 году, — сказал он наконец. — Но я видел эту фотографию раньше.

— Где?

— В архиве, который больше не существует.

— Он сгорел?

— Нет. Его закрыли. Потом перенесли документы. Потом часть документов исчезла. Я не знаю, что из этого было сделано намеренно.

— А фотография?

— Я помню её на столе. Помню, что на обороте была надпись. И помню, что после того, как я прочёл её, мне запретили возвращаться к делу Ардена.

— Кто запретил?

Демьян не ответил сразу.

— Человек, которому я тогда доверял.

— А сейчас?

— Сейчас я не уверен, что правильно помню даже его слова.

Мильхара снова посмотрела на фотографию. В нижнем углу действительно виднелась строка, написанная тёмными чернилами. Буквы местами расплылись, но прочесть их было возможно.

«Он открыл дверь. Он оставил её там».

— Кто оставил кого? — спросила Мильхара.

— Этого я не знаю, — сказал Демьян.

— Но предполагаешь.

— Да.

— И не собираешься говорить?

— Собираюсь. Но не хочу выдавать предположение за факт.

Мильхара удивилась. До этого момента она ожидала от Демьяна чего угодно — самоуверенного объяснения, попытки увести разговор в сторону, даже раздражения. Но он впервые отделил то, что знал, от того, чего не знал, и не попытался заполнить пробел красивой историей.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда запишем три вещи. Первое: фотография изображает эту библиотеку. Второе: на ней человек, похожий на тебя. Третье: надпись связывает неизвестное открытие двери с исчезновением кого-то, обозначенного словом «её» или «его» — мы пока не можем утверждать, о ком речь.

— Грамотно, — заметила Марфа.

— Я стараюсь.

— И четвёртое, — сказал Демьян. — На снимке есть ещё кое-что.

Он указал на дальнюю стену. Между двумя шкафами стояла узкая дверь, которой в нынешней библиотеке не было.

На двери был вырезан знак из трёх дуг.

Мильхара почувствовала тепло в ладони.

Она не отдёрнула руку, но положила её на стол, чтобы не потерять равновесие.

— Такой же знак, как у меня.

— Да, — ответил Демьян.

— Ты знаешь, что он означает?

— Нет.

— Марфа?

Марфа долго смотрела на фотографию.

— Я знаю, что этот знак связан с памятью и выбором. Но его точное значение зависит от того, где он появился и кто его оставил. Я не стану утверждать больше.

Мильхара кивнула. Ей нравилось, что хотя бы один из присутствующих не пытался превращать каждую неизвестность в окончательный вывод.

Она перевернула фотографию.

На обороте, под основной надписью, были три цифры: 868.

— Вот почему ты узнал их, — сказала она Демьяну.

Он кивнул.

— Я видел их рядом с именем Ардена. Но никогда не понимал, что они означают.

— А запись «Память Испытание Память»?

— Не помню, чтобы она была на фотографии.

Марфа придвинула к себе папку и просмотрела оставшиеся листы. В одном из них обнаружилась короткая запись, почти полностью стёртая временем. Она поднесла страницу к лампе и прочла вслух:

— «Шесть испытаний. Не для проверки силы. Для проверки того, кому доверяют власть над памятью».

Мильхара перечитала строку самостоятельно.

— Власть над памятью, — повторила она. — Это значит, можно менять воспоминания?

— Или открывать их, — ответила Марфа. — Или скрывать. Или решать, кто имеет право узнать то, что произошло.

— Но, если память принадлежит человеку, разве кто-то другой вправе решать за него?

— Именно поэтому в записи сказано о доверии, а не о силе, — сказал Демьян. — Сила позволяет открыть дверь. Но она не даёт права входить.

Мильхара взглянула на него. В этих словах слышалось нечто личное, но она не стала требовать объяснений. Не всякий пробел нужно заполнять немедленно. Иногда достаточно отметить его, чтобы вернуться позже.

Она взяла чистый лист и написала:

Известно:

фотография датирована 1814 годом;

на ней изображена эта библиотека;

один из людей похож на Демьяна;

на обороте указаны цифры 868;

надпись связывает открытие двери с чьим-то исчезновением;

записи упоминают шесть испытаний, связанных с доверием и памятью.

Неизвестно:

кто сделал фотографию;

кто именно изображён на ней;

кого оставили за дверью;

что означают цифры;

почему знак появился на ладони Мильхары.

— Ты собираешься вести протокол? — спросил Демьян.

— Да.

— На каждой загадке?

— Особенно на тех, где все вокруг говорят так, будто знают больше, чем готовы признать.

Марфа одобрительно кивнула.

— Это хорошее начало.

— Не спеши хвалить, — сказала Мильхара. — Я ещё не закончила.

Она дописала внизу листа:

Нельзя считать доказательством только потому, что это кажется правдоподобным.

Когда перо коснулось бумаги, знак на её ладони на мгновение стал теплым. Не обжёг, не вспыхнул, не выпустил света — просто словно напомнил о себе.

В глубине библиотеки раздался тихий щелчок.

Папка Ардена закрылась сама собой.

Мильхара отступила на шаг. Демьян не стал хвататься за папку, а Марфа не попыталась открыть её снова.

— Дом услышал, — сказала Марфа.

— Что именно? — спросила Мильхара.

— Не знаю. Может быть, то, что ты решила искать ответы. Может быть, то, что ты отказалась принимать догадки за факты.

— А может, просто закрыл папку, — сказала Мильхара. — Не всё обязано быть знаком.

Марфа посмотрела на неё с неожиданным уважением.

— Верно.

Демьян осторожно убрал фотографию обратно в папку. Но, прежде чем закрыть папку, Мильхара заметила на самом нижнем листе ещё одну строчку. Она была написана другим почерком, более резким, будто автор торопился:

«Если последовательность повторится, не начинайте с последней двери».

— Что это значит? — спросила она.

Демьян прочитал надпись и побледнел.

— Я не знаю.

— Ты уверен?

— Да.

На этот раз его ответ прозвучал без уклончивости.

Мильхара закрыла папку и вернула её на стол.

— Тогда наша задача — выяснить, что означают 868 и последовательность. Не открывать двери, не понимая предупреждений. И не обвинять тебя в том, что ты изображён на старой фотографии, пока мы не узнаем больше.

— Благодарю за доверие, — тихо сказал Демьян.

— Это не доверие. Это отказ от поспешного обвинения. Не путай.

Он улыбнулся, и впервые улыбка не выглядела защитой.

Марфа указала на карточку с цифрами.

— В библиотеке есть указатель. Возможно, он поможет понять, к какой записи относится этот номер.

Они нашли его в выдвижном ящике под столом. Указатель состоял из множества тонких карточек, каждая из которых была пронумерована. Мильхара нашла раздел с цифрами 800–899 и провела пальцем по ряду, пока не остановилась на нужной записи.

868. Память Испытание Память.

Ниже стояло одно короткое предложение:

«Начинать следует с того, что человек готов признать о себе».

Мильхара прочитала его дважды.

— Это не ответ, — сказала она.

— Нет, — согласилась Марфа. — Это направление.

— Тогда начнём с него. Но прежде я хочу узнать, кто составил эту запись и почему она связана с Арденом.

— Для этого понадобится время, — сказал Демьян.

— Значит, будем тратить время, а не делать вид, что оно нам мешает.

За окнами библиотеки не было ни дня, ни ночи. Свет оставался одинаковым, словно Дом не считал часы чем-то обязательным. Мильхара убрала свои записи в карман и ещё раз посмотрела на фотографию.

Молодой Демьян смотрел прямо в объектив. Остальные люди казались частью комнаты, почти неподвижными тенями. Но женщина у дальней стены повернула голову так, будто услышала звук за кадром.

Её лицо было размыто.

И всё же Мильхаре показалось, что женщина смотрит не на фотографа, а на дверь с тремя дугами.

— Мы вернёмся к этому, — сказала Мильхара.

— Да, — ответил Демьян.

— И если ты что-то вспомнишь, даже если решишь, что это неважно, ты скажешь мне.

— Скажу то, что вспомню. Но не обещаю, что смогу сразу понять, что важно.

— Это честный ответ.

Марфа погасила лампу над столом. В тот же миг на карточке с цифрами 868 проявилась тонкая черта, соединяющая три слова: «Память», «Испытание», «Память».

Черта исчезла прежде, чем Мильхара успела рассмотреть её внимательнее.

Она не стала записывать это как доказательство. Только отметила в тетради: «Карточка изменилась при выключении лампы. Причина неизвестна. Проверить при повторении».

Впервые с момента появления Дома Мильхара почувствовала, что неизвестность не обязательно должна быть стеной. Иногда она была коридором — но входить в него следовало не наугад.

А за стеной библиотеки кто-то тихо ударил в колокол один раз.

Не предупреждение.

Не приглашение.

Скорее, напоминание о том, что поиск уже начался.

Глава 3. Язык намерения

Колокол больше не звонил.

Однако Мильхара продолжала прислушиваться к тишине, словно ожидала, что за первым ударом последует второй. После библиотеки Дом казался ей другим. Не более дружелюбным и не более опасным — просто внимательным. Она уже не могла отделить обычные звуки старого здания от тех, которые могли означать нечто большее.

Когда они вышли из библиотечного зала, на лестнице обнаружилась небольшая полка, которой раньше не было. На ней лежала тонкая книга в серой обложке. Никакого названия на корешке, только знак из трёх дуг.

— Она предназначена мне? — спросила Мильхара.

— Не обязательно, — ответила Марфа.

— Ты умеешь отвечать так, чтобы после ответа возникало ещё больше вопросов.

— Это полезный навык в Доме.

Демьян протянул руку к книге, но остановился, заметив взгляд Мильхары.

— Я не собираюсь её забирать, — сказал он. — Просто хочу посмотреть на обложку.

— Смотри. Но не открывай.

Он наклонился. На серой поверхности проступили тонкие линии, складывавшиеся в надпись. Мильхара не знала букв, но ощутила странное напряжение в голове, будто пыталась вспомнить слово, которое никогда не слышала.

— Милхарен, — тихо сказала Марфа.

— Это язык?

— Да. Язык намерения.

— И что он делает?

— Для начала — ничего, если человек не понимает, что произносит.

— Очень обнадёживает.

— Он не предназначен для того, чтобы заставлять мир исполнять желания, — продолжила Марфа. — Милхарен помогает человеку точнее сформулировать собственное намерение. Иногда благодаря этому становится ясно, что он хочет совсем не того, о чём говорил сначала.

— Например?

— Человек говорит, что хочет справедливости, а на самом деле хочет наказать того, кто его обидел. Говорит, что хочет защитить близкого, а на самом деле боится, что близкий станет самостоятельным. Говорит, что хочет узнать правду, но не готов услышать ответ.

Демьян прислонился к перилам.

— Язык не делает человека честным, Марфа.

— Я этого и не утверждала. Он лишь затрудняет некоторые способы лгать самому себе.

— Или даёт лжи красивую форму.

— И это тоже возможно.

Мильхара посмотрела на книгу.

— Значит, дело не в словах, а в том, с каким намерением их произносят?

— В словах, намерении и понимании последствий, — ответила Марфа. — Одно без другого легко превращается в опасную привычку.

Она сняла книгу с полки и открыла на первой странице. Там не было алфавита в привычном смысле. Знаки располагались группами, рядом с ними находились короткие пояснения на русском языке. Некоторые слова повторялись в разных сочетаниях, будто их смысл менялся в зависимости от соседних слов.

Марфа указала на первую строку.

— Начнём с того, что ты уже слышала.

Она произнесла:

— «Саэ вейра».

Мильхара вспомнила женщину в зеркале и прикосновение знака на ладони.

— «Память открывает», — сказала она.

На этот раз слова прозвучали не как перевод, который она выучила, а как фраза, смысл которой наконец обрёл форму.

— Верно, — ответила Марфа. — Но не воспринимай её как приказ двери открыться. Это не команда миру. Это признание связи между памятью и открытием.

— То есть я могу произнести её перед дверью, и ничего не произойдёт?

— Конечно.

— А если произнесу и буду очень сильно хотеть, чтобы дверь открылась?

— Ты можешь очень сильно хотеть. Это не делает твоё желание законом для Дома.

Демьян тихо рассмеялся.

— Наконец-то правило, которое стоило бы написать над каждым входом.

Марфа перелистнула страницу.

— Следующая фраза: «Нор элиан».

Она произнесла её медленно, разделяя слова.

Мильхара повторила. Первый звук дался легко, второй заставил её остановиться. Она попробовала ещё раз.

— «Моя граница принадлежит мне», — подсказала Марфа.

Мильхара повторила перевод про себя.

Моя граница принадлежит мне.

В этих словах не было угрозы, просьбы или попытки доказать кому-либо собственную правоту. Они обозначали нечто, что существовало независимо от согласия окружающих.

— А если другой человек не признаёт мою границу? — спросила она.

— Твоя граница от этого не исчезает, — ответила Марфа. — Но тебе всё равно придётся решать, как её защищать. Иногда достаточно сказать «нет». Иногда нужно отойти. Иногда — позвать на помощь. Одного произнесённого слова не всегда достаточно.

— Тогда зачем вообще нужен язык?

— Чтобы ты не путала собственное решение с реакцией на чужое давление.

Мильхара произнесла фразу ещё раз.

Знак на ладони потеплел, но не изменился. Она не почувствовала прилива силы, не увидела света и не услышала голоса из стен. Только собственные слова, произнесённые вслух, вдруг стали отчётливее обычного.

Она поняла, что часто объясняла свои решения слишком долго. Сначала пыталась предугадать возражения, затем смягчала формулировки, а в конце соглашалась на то, чего не хотела, лишь бы не показаться неудобной.

— Я привыкла объяснять отказ так, будто должна получить разрешение отказаться, — сказала она.

Марфа не стала отвечать сразу.

— Многие так делают.

— И ты?

— Иногда.

Демьян поднял брови.

— Не думал, что услышу такое признание.

— Не привыкай, — сказала Марфа.

Мильхара улыбнулась, но тут же вернулась к книге.

На следующей странице стояла фраза:

— «Лиора анэ», — прочитала Марфа. — «Я вижу, но не спешу верить».

— Это правило для нашей фотографии, — заметила Мильхара.

— В том числе.

Она произнесла фразу, стараясь сохранить ритм. На слове «лиора» сбилась и повторила начало. Когда наконец получилось, ей показалось, что мысль стала проще: видеть не значит понимать, а понимать — не значит знать наверняка.

— А эта? — спросила она, перевернув страницу.

— «Мира тэль». «Пусть скрытое станет ясным, когда я готова».

— Здесь всё зависит от того, кто определяет готовность.

— Именно, — сказала Марфа. — Ты. Не Дом, не я, не Демьян. Если ты не готова, ты не обязана продолжать только потому, что дверь уже открылась.

— А если я никогда не буду готова?

— Тогда это тоже ответ, с которым можно работать.

Демьян перестал улыбаться. Он внимательно посмотрел на фразу, словно она напоминала ему о чём-то, что он предпочёл бы не вспоминать.

— Что? — спросила Мильхара.

— Ничего.

— Это не ответ.

Он вздохнул.

— Я слишком долго считал, что, если человек приблизился к правде, его нужно довести до конца. Даже если он хочет остановиться.

— И что случилось?

— Я не уверен, что могу рассказать об этом сейчас.

Мильхара не стала настаивать. Вместо этого она взяла лист бумаги и переписала четыре фразы, рядом оставив место для перевода.

— Я хочу проверить их без всяких дверей, — сказала она. — Просто произнести и понять, что изменится.

— Вряд ли изменится что-то снаружи, — ответила Марфа.

— Вот и проверим.

Мильхара начала с «Саэ вейра». Вспомнила фотографию, надпись на обороте и цифры 868. Ничего нового не появилось.

Затем произнесла: «Нор элиан» и подумала о том, как отказалась выбирать между Марфой и Демьяном. Воспоминание стало яснее, но не изменилось.

После «Лиора анэ» она посмотрела на обоих спутников. Демьян оставался человеком, который что-то скрывал. Марфа — человеком, который не всегда объяснял свои решения. Ни один из них не превратился в понятную и предсказуемую фигуру.

Последней была «Мира тэль».

Мильхара произнесла её тихо и не стала думать об Ардене. Она выбрала не знать пока ничего нового.

Ничего не произошло.

И именно это показалось ей важным.

— Я ожидала, что язык окажется сложнее, — сказала она.

— Он сложнее, — ответила Марфа. — Просто трудность не всегда выглядит как загадочный эффект.

— А если человек произнесёт фразу с намерением управлять другим?

— Тогда прежде всего ему придётся признать, чего он хочет на самом деле. Но признание не означает, что желание станет допустимым.

— Можно произнести: «Нор элиан» и заставить другого человека уважать мою границу?

— Нет. Можно напомнить себе, что она существует. Нельзя отменить чужую волю одной фразой.

— А можно заставить человека вспомнить то, что он забыл?

— Нет, — ответила Марфа. — И даже если память удастся открыть, это не даёт права решать за человека, что он должен с ней делать.

Мильхара посмотрела на страницы. Ей нравилась эта строгость. Язык не обещал безграничной власти и не предлагал короткого пути к желаемому. Он требовал прежде всего понимать собственные действия.

Она дописала внизу листа:

Не использовать язык намерения, чтобы принуждать другого человека к решению, признанию или воспоминанию.

— Это твоё правило? — спросил Демьян.

— Моё.

— Дом может не согласиться.

— Тогда Дом может высказать возражения. Я их выслушаю.

Марфа улыбнулась.

— Пожалуй, тебе начинает нравиться разговаривать с ним.

— Нет. Мне начинает нравиться, когда у меня есть возможность не соглашаться.

Мильхара закрыла книгу.

В тот же момент на последней странице проступил новый знак — короткая линия, соединённая с тремя дугами. Он был похож на черту, которую она заметила на карточке 868.

Марфа наклонилась, но не прикоснулась к странице.

— Это может быть указанием на следующий этап.

— Или просто знаком, который мы пока не понимаем, — сказала Мильхара.

— Верно.

Она убрала лист с фразами в карман. Книгу оставила на полке, решив не присваивать то, что пока принадлежало Дому.

Когда они вышли из библиотеки, лестница уже вела к другой двери. На ней не было ни ручки, ни замка. Только четыре надписи, знакомые Мильхаре по латунному диску.

— Похоже, нас ждёт продолжение урока, — сказал Демьян.

— Нас ждёт дверь, — поправила Мильхара. — А уроком она станет только в том случае, если мы поймём, что именно должны из неё вынести.

Она остановилась перед порогом и произнесла:

— «Нор элиан».

Не для того, чтобы открыть дверь.

Чтобы помнить: войти она могла только по собственному решению.

Дверь бесшумно отступила в стену.

За ней не было ни коридора, ни комнаты. Только белое пространство, в котором на расстоянии друг от друга стояли четыре двери.

Мильхара шагнула внутрь.

И впервые за всё время пребывания в Доме никто не попытался объяснить ей, что она должна выбрать.

Практика 1.1.3 --- Формулировка намерения

В мире Мильхарэна слово не подчиняет реальность: оно помогает человеку точнее осознать собственный выбор.

Выберите одну небольшую задачу на ближайшие сутки и запишите её в трёх строках:

«Чего я хочу?»,

«Что зависит лично от меня?»,

«Какое действие я могу выполнить сегодня?».

Затем сформулируйте намерение без приказов другим людям. Например: не «пусть меня поймут», а «я спокойно объясню свою позицию и выслушаю ответ».

Это символическое упражнение на ясность, а не заклинание, гарантирующее результат.

Глава 4. Первое испытание: границы

Белое пространство не имело ни потолка, ни стен, хотя Мильхара отчётливо видела четыре двери. Они стояли так далеко друг от друга, что между ними можно было бы разместить целый дом. И всё же пространство казалось тесным — не физически, а так, будто оно ожидало от неё решения и не собиралось отвлекаться, пока она не ответит.

За спиной исчезла дверь, через которую они вошли.

Мильхара обернулась.

— Мы можем вернуться?

— Пока не знаю, — ответил Демьян.

Марфа посмотрела на него.

— Не знаешь или не проверял?

— Не проверял.

— Тогда не утверждай, что не знаешь.

— Я и не утверждал. Я сказал, что пока не знаю.

— Прекратите, — попросила Мильхара. — Я не собираюсь проходить испытание, пока вы спорите о формулировках.

Они замолчали.

Мильхара посмотрела на первую дверь. На ней было написано: БУДЬ УДОБНОЙ.

На второй: СПАСИ ВСЕХ.

На третьей: НИКОГО НЕ РАССТРАИВАЙ.

На четвёртой не было надписи.

— Прекрасно, — пробормотала она. — Четыре варианта, и три из них звучат как советы людей, которые никогда не спрашивали меня, чего я хочу.

— Не обязательно, что это варианты, — сказала Марфа.

— А что тогда?

— Возможно, это то, что ты слышала раньше. Не обязательно вслух.

Мильхара снова посмотрела на первую дверь.

Ей вспомнились разговоры, в которых она соглашалась помочь, хотя была измотана. Воспоминания о том, как откладывала собственные дела, потому что кому-то требовалось внимание. Моменты, когда говорила «ничего страшного», хотя была задета, и «мне всё равно», хотя ей было не всё равно.

За дверью послышался мягкий, почти ласковый голос:

— Просто будь удобной. Не усложняй. Не заставляй других переживать из-за твоих решений. Если ты будешь достаточно хорошей, никто не уйдёт.

Мильхара почувствовала знакомое напряжение в груди.

Голос говорил нечто, что она когда-то повторяла себе сама.

— Это не обязательно неправда, — сказала она.

— Что именно? — спросил Демьян.

— Желание быть хорошей. Желание не причинять другим боль. В этом нет ничего плохого.

— Нет, — согласилась Марфа. — Проблема начинается, когда ты считаешь, что ради этого обязана отказаться от себя.

Вторая дверь заговорила громче:

— Спаси всех. Если ты не вмешаешься, случится беда. Если не найдёшь правильных слов, если не примешь правильное решение, если не успеешь — виновата будешь ты.

Демьян вздрогнул.

Мильхара заметила это сразу.

— Ты знаешь этот голос?

— Нет.

Он ответил слишком быстро.

Из-за второй двери донёсся глухой стук, похожий на удар кулака по дереву.

— Ты мог предотвратить это, — произнёс голос. — Ты мог открыть дверь раньше. Ты мог не слушать предупреждения. Ты мог не уходить.

Демьян шагнул вперёд.

— Не слушай, — резко сказала Марфа.

— Я должен понять…

— Нет. Ты должен сначала понять, что именно слышишь.

— Если там есть связь с Арденом…

— Ты уже решил, что связь есть, — сказала Марфа. — Но мы не знаем, что перед нами.

Демьян сжал челюсти.

— Ты предлагаешь ничего не делать?

— Я предлагаю не позволять чувству вины выбирать за тебя.

Он посмотрел на дверь, и Мильхара увидела, как трудно ему удержаться от движения. Его пальцы сжались, словно он уже держал в руке невидимую ручку.

— Что ты хочешь от меня? — спросил он у Марфы.

— Чтобы ты не повторил то, о чём сам жалеешь.

— Ты не знаешь, о чём я жалею.

— Знаю достаточно.

Мильхара встала между ними.

— Если это испытание, оно явно не требует, чтобы вы немедленно выяснили все старые обиды. Демьян, отойди от двери. Марфа, объясни, что ты знаешь, без намёков.

Марфа помолчала.

— Когда Арден исчез, Демьян решил, что обязан вернуть его любой ценой. Он считал, что если сумеет открыть нужную дверь, то исправит случившееся.

— А ты?

— Я пыталась остановить его. Не потому, что хотела оставить Ардена там, где он оказался, а потому, что мы не знали, что ждёт за дверью.

— И ты думаешь, Демьян снова пытается действовать из чувства вины?

— Я боюсь, что именно так.

— Это не ответ на вопрос, что произошло тогда, — сказала Мильхара.

— Нет. Не ответ.

— Значит, мы пока не знаем всей истории.

Демьян опустил голову.

— Я открыл дверь, — произнёс он. — Это правда. Я не знаю, мог ли поступить иначе. Но после того, как Арден исчез, я решил, что если буду достаточно настойчивым, то смогу его вернуть.

— А теперь?

— Теперь я боюсь, что остановиться означает признать поражение.

Мильхара посмотрела на вторую дверь. Голос за ней продолжал перечислять возможные ошибки, словно вёл бесконечный счёт.

— Ты можешь искать Ардена, — сказала она. — Но не можешь заранее считать себя обязанным исправить всё, что случилось. Для начала нужно выяснить, что действительно произошло.

Демьян долго молчал, затем отступил от двери.

Голос за ней стих.

Третья дверь заговорила почти шёпотом:

— Никого не расстраивай. Соглашайся. Уступай. Не спорь. Люди должны уходить от тебя довольными. Иначе ты потеряешь их.

Мильхара посмотрела на последнюю, пустую дверь.

— Почему на ней ничего нет?

— Возможно, потому, что это не готовое требование, — ответила Марфа. — Или потому, что оно должно появиться позже.

— А если я не хочу, чтобы оно появлялось?

— Тогда не обязана его придумывать.

Мильхара вернулась к первой двери.

— Я хочу проверить одну вещь.

— Какую? — спросил Демьян.

— Если я открою дверь, это будет означать, что я согласна с надписью?

— Не знаю, — ответил он.

— Хорошо. Тогда проверим не открывая.

Она подошла ближе и произнесла:

— «Лиора анэ».

Я вижу, но не спешу верить.

Голос за дверью повторил:

— Будь удобной.

— Я слышу тебя, — ответила Мильхара. — Но не обязана считать тебя правым.

Она положила ладонь на дерево. Оно оказалось тёплым.

— Я могу заботиться о других, не соглашаясь на всё. Могу быть внимательной, не отказываясь от собственного решения. Могу расстроить кого-то и при этом не совершить ничего плохого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.